

Генеральная Ассамблея

Шестидесят третья сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
23 January 2009
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 21-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в пятницу, 31 октября 2008 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н аль-Баяти (Ирак)

Содержание

Пункт 75 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии (*продолжение*)

Заявление Председателя Международного Суда

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 10 ч. 15 м.

Пункт 75 повестки: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии (продолжение) (A/63/10)

1. **Г-жа Даскалопулу-Ливада** (Греция), отмечая, что разработанные до настоящего времени проекты статей об ответственности международных организаций следуют схеме статей об ответственности государств за международно противоправные деяния, говорит, что есть вопросы, относящиеся к данной теме, в частности контрмеры, которые следует рассматривать в ином свете. Ее делегация не уверена, что вопрос о контрмерах является актуальным в отношении международных организаций; по сути дела, у нее все еще имеются сомнения относительно его актуальности в том, что касается ответственности государств. Она согласна с тем, что меры, принимаемые организацией против ее членов в соответствии с внутренними правилами, следует рассматривать скорее как санкции, а не как контрмеры. Более того, контрмеры следует отличать от санкций в том, что касается поддержания международного мира и безопасности.

2. В связи с предложенным Специальным докладчиком проектом статьи о цели и пределах контрмер ее делегация обеспокоена признанием права международной организации прибегать к контрмерам против своих собственных членов и наоборот. В первом случае, возможно, было бы более точно говорить о санкциях, а не о контрмерах; во втором случае сомнительно, чтобы государство имело право принимать контрмеры против международной организации, членом которой оно является. Институциональный режим международной организации отнюдь не аналогичен договорным отношениям между государствами и обычно предусматривает механизмы урегулирования споров, которые не оставляли бы места для таких радикальных действий, как контрмеры.

3. Что касается проекта статьи 51 о множественности ответственных государств или ответственных международных организаций, то трудно примирить идею субсидиарной ответственности с предложенной в комментарии возможностью того, чтобы потерпевшее государство или потерпевшая международная организация принимали к рассмотрению требование либо к субъекту с первичной ответственностью, либо к субъекту с субсидиарной ответ-

ственностью. Этот режим близок или идентичен системе солидарной ответственности. Вместо этого комментарий должен отражать обычное значение пункта 2 статьи 51, в котором предусмотрено, что к субсидиарной ответственности можно призвать только в той мере, в какой призывание к первичной ответственности не позволило добиться возмещения. Разумеется, первичная ответственность организации превалирует над последующей ответственностью ее государств-членов. Более того, слова «как в случае проекта статьи 29» в пункте 2 следует заменить словами “subject to the conditions of article 29” («с соблюдением условий статьи 29»).

4. **Г-н Симонофф** (Соединенные Штаты Америки) говорит, что его делегация благодарна Специальному докладчику за те знания, которые он привнес в важную тему «Оговорки к международным договорам», однако она считает, что такой предмет, как виды реакций на заявления о толковании, который затрагивается в его тринадцатом докладе (A/CN.4/600), не созрел для кодификации и выходит за рамки первоначального мандата в связи с этим проектом. Государственная практика, из которой можно было бы извлечь подходящие руководящие указания, является недостаточной, а общий режим, предложенный в докладе, недостаточно детализирован, чтобы можно было рассматривать существующую незначительную практику. Предлагаемые категории реакций являются слишком ограниченными и не учитывают, например, реакции на заявления о толковании, являющиеся позитивными, но не предназначенными для выражения согласия, или являющиеся негативными, но не отвергающие толкования и не предлагающие конкретной альтернативы. К тому же, термины «одобрение» и «несогласие» подразумевают, что реакция государства имеет юридические последствия для заявления о толковании, что может происходить редко, а то и вообще никогда. В этом смысле предлагаемый режим слишком сильно опирается на режим реагирования на оговорки.

5. Хотя в нескольких местах доклада отмечается, что молчание не может истолковываться как означающее одобрение заявления о толковании, во втором пункте предлагаемого руководящего положения 2.9.9 сказано, что в некоторых обстоятельствах может считаться, что государство молчаливо согласилось с заявлением о толковании в силу его молчания или поведения. Хотя поведение государства

может быть значимым, неясно, на какой основе молчание государства было бы фактором. Предлагаемые руководящие положения выходят за рамки прогрессивного развития международного права и пропагандируют новый правовой режим там, где такового не существует. Они, очевидно, лягут немалым бременем на занимающиеся договорами ведомства государств, которые будут вынуждены пересмотреть все заявления о толковании и отреагировать на них, дабы не создавать впечатления, что они согласны с тем или иным конкретным толкованием вследствие отсутствия реакции.

6. Короче говоря, очень много вопросов в связи с работой по данной теме вызывают беспокойство у его делегации, и она полагает, что Комиссии следует отложить ее.

7. Хотя его делегация высоко оценивает желание Комиссии выработать общий набор статей об ответственности международных организаций, она по-прежнему обеспокоена используемой методологией, в частности ключевой посылкой в отношении того, что статьи об ответственности государств являются надлежащей моделью для проектов статей об ответственности международных организаций. Хотя как государства, так и международные организации обладают международной правосубъектностью, они в корне различны. В отличие от государств, которые объединяет основной набор качеств, имеется большое многообразие в структуре, функциях и интересах международных организаций. Кроме того, многие интересы государств, лежащие в основе статей об ответственности государств — такие, как суверенитет, гражданство и территориальная целостность, — не существуют в случае международных организаций.

8. Замечания его делегации по первым 45 проектам статей осветили те проблемы, которые связаны с рассмотрением международных организаций как если бы они были государствами, дабы сделать их ответственными за международно противоправные деяния. Общее обязательство о возмещении вреда, например, может приводить к отвлечению ресурсов международных организаций от финансирования согласованных на международном уровне функций организации и их перенаправлению на защиту от не поддающихся количественному определению рисков судебной тяжбы, заставляя государства пересмотреть то, в какой степени они хотят продолжать участвовать в таких организациях, и подрывая не-

зависимость международных организаций. Те же самые вызывающие беспокойство вопросы возникали в связи с рассмотренными Комиссией проектами статей о допустимости требований, о призывании к ответственности международной организации и о контрмерах. Его делегация рекомендовала бы Комиссии уделять особое внимание насущным проблемам, возникающим в существующей практике международных организаций. Государства могут извлечь пользу из более широкого изучения практических примеров, иллюстрирующих актуальность и применение проектов статей.

9. Его делегация по достоинству оценивает тщательную и продуманную работу Специального докладчика по вопросу о высылке иностранцев — сложной теме, связанной с формулированием и обеспечением соблюдения иммиграционного законодательства государства, а также с национальной безопасностью. Комиссии следует помнить о том, что каждое государство сталкивается с деликатными и уникальными правовыми и политическими вопросами. К тому же, должно быть признано и должно уважаться суверенное право каждого государства контролировать допуск в пределы своей территории. Он рекомендовал бы Специальному докладчику и Редакционному комитету внимательно изучить сферу охвата этой темы и используемые определения и подумать о том, отражают ли проекты статей прочно установившиеся принципы международного права и государственную практику. Его делегация согласна со Специальным докладчиком в том, что вопросы отказа во въезде, выдачи и других видов передачи выходят за рамки данной темы. Вопросы, регулируемые специальными сводами норм международного права, такие, как экстрадиция и высылка иностранцев в ситуациях вооруженного конфликта, также следует исключить. В ином случае проекты статей могут создать путаницу и рассматриваться как формулирующие новые или альтернативные нормы, не прочно укоренившиеся в международном праве и практике, которые могут помешать широкой поддержке.

10. Проекты статей должны признавать права государств контролировать допуск в пределы их границ и обеспечивать соблюдение их иммиграционного законодательства. В них должно проводиться различие между иностранцами, находящимися в пределах территории государства на законных основаниях, и другими иностранцами. В частности,

они должны признавать, что иностранцы, присутствующие не на законных основаниях, могут быть высланы по одной только этой причине и могут подпадать под различные процедуры удаления.

11. Что касается текста проектов статей, то из проекта статьи 1 неясно, что существует много вопросов, которые следует исключить из сферы применения проектов статей. Помимо отказа в допуске, выдачи и других видов передачи и вопросов, регулируемых правом вооруженных конфликтов, экстрадиция должна быть четко признана как выходящая за рамки сферы применения этой темы. Экстрадиция является не высылкой, а скорее передачей лица с конкретной правоохранительной целью; она подчиняется отдельному международно-правовому режиму, имеющему многовековую историю; она не ограничивается иностранцами, но применяется и к гражданам. По сути дела, проект статьи 4 полностью не согласовывался бы с международным правом и практикой в вопросе об экстрадиции.

12. Содержащиеся в проекте статьи 2 определения требуют тщательного рассмотрения, поскольку они имели бы крайне важное значение для определения сферы применения проектов статей. Определение территории, например, как «пространства, в пределах которого государство осуществляет совокупность полномочий, проистекающих из его суверенитета», является туманным и может толковаться слишком широко.

13. В отношении проекта статьи 4 Рабочая группа, созданная в ходе шестидесятой сессии Комиссии, пришла к выводу о том, что в комментарии следует указать, что для целей проектов статей принцип невысылки граждан применяется также к лицам, которые на законном основании приобрели одно или несколько других гражданств, и четко указывать на то, что государства не должны использовать лишение гражданства как средство обхода своих обязательств согласно этому принципу. Его делегация в целом согласна с этими выводами, однако будет необходимо провести внимательный пересмотр нынешней формулировки комментария. Она не согласна, однако, с мнением о том, что государства имеют обязательство не лишать гражданства гражданина, не имеющего никакого иного гражданства, и что гражданство не может быть эффективно утрачено, если только соответствующее лицо не приняло в действительности другого гражданства.

14. Что касается проекта статьи 5, то формулировка должна более последовательно следовать положениям Конвенции о статусе беженцев. В этой Конвенции статья 32, которая применяется только к беженцам, находящимся в пределах территории на законных основаниях, предусматривает более широкие меры защиты, чем меры, изложенные в статье 33, которая применяется к беженцам в целом. Поскольку существуют различные определения понятия «беженец», находящие свое отражение в международных документах, Комиссии следует уточнить, что термин «беженец» должен определяться в соответствии с существующими обязательствами каждой страны.

15. Его делегация обеспокоена тем, что формулировка проекта статьи 6 взята из Конвенции о статусе апатридов, не ратифицированной большим числом государств, включая Соединенные Штаты, и, таким образом, не отражает установившийся и широко признанный принцип международного права.

16. **Г-жа Глэдстоун** (Соединенное Королевство) говорит, что Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам может оказаться полезным в области заявлений о толковании, поскольку этот вопрос не охвачен Венской конвенцией о праве международных договоров. Однако, учитывая небогатую государственную практику, нужно проявлять большую осторожность даже при выработке руководящих положений необязательного характера. Заниматься заявлениями о толковании уместно в сочетании с оговорками к международным договорам, поскольку между ними есть увязки: например, заявления о толковании могут быть скрытыми оговорками. Ввиду юридических различий между ними, однако, название темы следует, пожалуй, расширить с целью охвата обоих вопросов, и, по мере возможности, следует использовать отдельную терминологию.

17. Ее делегация приветствует проекты руководящих положений, поддерживающих принципы, согласно которым неучастники могут формулировать заявления о толковании, в любое время и в письменном виде, при том понимании, что причины заявления о толковании могут быть сложными и не поддаваться простому определению.

18. Молчание как реакция на заявление о толковании отнюдь необязательно означает молчаливое согласие; поэтому второй пункт проекта руководяще-

го положения следует либо убрать, оставив вопрос о молчаливом согласии для уточнения посредством ссылки на международное право, либо дополнительно проработать. Поскольку нет никакого ограничения по времени для реагирования на заявления о толковании, будет трудно устанавливать, может ли молчание других договаривающихся государств рассматриваться как молчаливое согласие. Молчаливое согласие посредством молчания можно легче предусмотреть в случае договора с небольшим числом участников. Но даже в этом случае могут быть иные причины — отнюдь не молчаливое согласие — для молчания. Молчание не может означать молчаливое согласие, когда отсутствует обязательство реагировать. Поэтому на вопросы Комиссии, изложенные в пункте 26 ее доклада, ее делегация не может представить себе какие-либо обстоятельства, в которых молчание в ответ на заявление о толковании, может определенно восприниматься как молчаливое согласие; и оратор не считает, что молчание должно играть какую-то роль в тех правовых последствиях, которые может вызвать заявление.

19. Что касается вопросов Комиссии, поставленных в пункте 27 ее доклада, относительно последствий заявления о толковании для его автора или для государства или международной организации, которые его одобрили, то оратор считает, что заявление будет действовать как средство содействия толкованию; если заявление не снято, не пересмотрено или не дополнено, то могут возникнуть некоторые вопросы эстоппеля. Для государства или организации, которые придерживались молчания или высказали возражения, заявление не будет действовать как средство содействия толкованию, и будут применяться обычные принципы толкования договоров.

20. Что касается проекта руководящего положения 2.1.9, то ее делегация решительно поддерживает любые усилия, направленные на стимулирование большей ясности при формулировании оговорок, одновременно признавая, что государство не обязано излагать свои причины. Оговорки общего и неконкретного характера часто приводят к формулированию возражений другими государствами. Число таких возражений может быть уменьшено, если другие участники договора будут лучше представлять себе причины для оговорок государства.

21. Что касается проекта руководящего положения 1.5 об «оговорках» к двусторонним договорам, то ее делегация согласна с тем, что односторонние заявления, о которых идет речь в руководящем положении, не являются оговоркой по смыслу Руководства по практике. Соединенное Королевство обычно избегает делать такие заявления, каковы бы ни были их последствия.

22. По теме «Ответственность международных организаций» ее делегация в прошлом выражала обеспокоенность по поводу того, насколько тесно работа Комиссии следует статьям об ответственности государств. По некоторым вопросам разумно иметь аналогичные положения, однако сомнительно то, что какая-либо международная организация должна иметь такое же, как и государство, право призывать другую международную организацию к ответственности, если нарушенное обязательство является обязательством в отношении международного сообщества в целом, как это предусмотрено в проектах статей 46 и 52. Существует широкий диапазон международных организаций — некоторые из них имеют более ограниченные функции, мандаты и членский состав, чем другие, — и нет ясности в отношении того, что все международные организации можно, строго говоря, рассматривать в качестве членов международного сообщества. Поэтому данный вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

23. Что касается проекта статьи 48, то ее делегация согласна с тем, что важно включить положение относительно государственной принадлежности требований и исчерпания внутренних средств правовой защиты, и принимает к сведению, что термин «внутренние средства правовой защиты» означает «все доступные и эффективные средства правовой защиты, предоставляемые этой организацией».

24. Что касается предлагаемых проектов статей о контрмерах, то ее делегация ранее высказывала мнение о том, что положения о контрмерах в статьях об ответственности государств являются разительным парадоксом. Среди всех обстоятельств, исключающих противоправность, только они были выделены для детальной проработки, в то время как самооборона, форс-мажор и необходимость оставлены в стороне. Тот же комментарий относится к работе над ответственностью международных организаций. Комиссии следует вновь подумать о том, нужна ли отдельная глава о контрмерах.

25. Тема «Высылка иностранцев» является сложной и проблемной, и, возможно, она еще не созрела для кодификации. Ее делегация поддерживает осторожный подход, которого придерживается Специальный докладчик, в частности его вывод о том, что он по-прежнему не убежден в целесообразности разработки проектов статей по вопросам, касающимся гражданства. Более того, проект статьи о невысылке граждан, возможно, является ненужным или неуместным.

26. **Г-жа Попова** (Болгария) говорит, что Комиссия достигла достойного одобрения прогресса в ходе своей шестидесятой сессии по темам «Общие природные ресурсы» и «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров». Ее делегацию также интересует предложенная новая тема «Договоры сквозь призму времени», которая может быть существенно полезной для консультантов по правовым вопросам в связи с практическими и теоретическими проблемами в динамично развивающейся области права международных договоров. Эта тема наряду с темой «Оговорки к международным договорам» показывает, что договоры являются живыми инструментами и что Венская конвенция о праве международных договоров не устанавливает жесткие правила, а скорее предусматривает решения, сохраняющие целостность и гибкость договорного права. Проекты руководящих положений относительно оговорок к международным договорам имеют целью установить баланс между универсальностью членства в договоре и целостностью содержания договора, и ее делегация с нетерпением ожидает успешного завершения работы над руководящими положениями. Проблема заключается в том, чтобы заполнить пробелы в Венской конвенции, оставив неизменными ее положения.

27. Поскольку государства часто проявляют пассивное отношение, есть много примеров оговорок, которые не смогли бы пройти тест на допустимость в виде статьи 19(с) Венской конвенции, но против которых возражали лишь немногие государства. Предусмотренное в проекте руководящего положения 2.1.8 правило для решения такого рода проблем в некоторой степени мешает основной функции депозитария в качестве нейтрального администратора договора. Альтернативным подходом могло бы быть тщательно разработанное правило, рекомендуемое депозитарию, сообщая текст возражений, сформулированных к оговоркам на основании статьи 19(с)

Венской конвенции, обращать внимание договаривающихся государств и государств, имеющих право стать участниками договора, на соответствующую оговорку и на возражения к ней.

28. Возможно, было бы также полезно разработать правило, указывающее государствам и организациям на то, что реальные рамки теста на допустимость включают соответствие обычному международному праву. Часто бывает так, что причина, по которой государство делает оговорку, заключается в том, что оно хочет быть частью договорного режима, но при этом хочет сохранить свои обязательства по определенным вопросам на уровне обычного международного права. Если, однако, посредством своей оговорки государство намеревается опустить свои обязательства ниже уровня обычного международного права, оно затронет саму основу, на которой построен договорный режим.

29. Проект руководящего положения 2.2.2 относительно случаев необязательности подтверждения оговорок, сформулированных при подписании договора, касается ситуации, когда государство или международная организация выражает свое согласие на обязательность для него/нее договора путем его подписания. Однако в случае подписания *ad referendum*, подлежащего подтверждению, как это предусмотрено в пункте 2 статьи 12 Венской конвенции, оговорка также должна подтверждаться, когда подтверждается согласие государства на обязательность для него договора.

30. Было бы, пожалуй, полезно добавить второй пункт к проекту руководящего положения 2.3.3 («Возражение против последующего формулирования оговорки»), рекомендуемый высказывающему возражение государству указать, считало ли бы оно в ином случае такое возражение допустимым. Такая информация помогла бы государству, делающему оговорку, решить вопрос о том, аннулировать ли свое согласие на обязательность договора или же незамедлительно вновь присоединиться к нему, сделав ту же оговорку.

31. **Г-н Хенчель** (Польша) говорит, что у него усиливаются сомнения и опасения относительно практической полезности проекта Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам. Столь большое число проектов руководящих положений и такие подробности могут стать источником путаницы. Некоторые из них, такие, как

проект руководящего положения 2.6.7, просто противоречат соответствующие положения Венской конвенции о праве международных договоров. Если убрать те положения, которые являются простым повтором, другие положения будет легче использовать, и они станут более эффективными. Комиссии следует также еще раз подумать о том, уместно ли включать в проект руководящих положений вопросы, относящиеся к другим документам, особенно к заявлениям о толковании, которые имеют своим результатом расширение сферы охвата этой темы гораздо больше того, что предполагалось первоначально. Следует помнить о том, что государства часто используют заявления о толковании просто для того, чтобы избежать формальных ограничений, возникающих в случае применения оговорок. Если такие ограничения будут также распространены на заявления о толковании, государствам, возможно, будет трудно принять проекты руководящих положений.

32. Неплохой прогресс достигнут в вопросе об ответственности международных организаций. Оратор, однако, предостерег бы против автоматического повторения положений, содержащихся в проектах статей об ответственности государств. Настоящий проект не допускает возможности того, чтобы международная организация призвала к ответственности государство. Оратор надеется, что в будущем, например в контексте контрмер, особое внимание будет уделено специфическим особенностям, отличающим ответственность международных организаций от ответственности государств.

33. Что касается вопроса о высылке иностранцев, то Рабочая группа пришла к некоторым важным выводам в отношении принципа невысылки собственных граждан, имеющих на законных основаниях одно или несколько других гражданств. Оратор согласен с этими выводами и особенно с выводом о том, что государства не должны использовать лишение гражданства как средство обхода их обязательств в соответствии с принципом невысылки собственных граждан.

34. **Г-жа Саренкова** (Российская Федерация), касаясь темы оговорок к международным договорам, ставит под вопрос подход, которого придерживается Специальный докладчик в проекте руководящего положения 2.6.5 проекта Руководства по практике. Как следует из комментария, государства и международные организации, которые вправе стать участ-

никами соответствующего договора, могут формулировать оговорку, поскольку определяющей характеристикой оговорки является намерение автора, а не ее реальные или потенциальные юридические последствия. Оратор не может не согласиться с этим, однако в интересах юридической четкости она предпочла бы иной подход к концепции возражения, основанный на его юридических качествах, а не на субъективных характеристиках, которыми его наделяет его автор. Более того, пункт (ii) проекта руководящего положения 2.6.5, видимо, не покрывает случаи временного применения договора, когда оговорки и возражения также могут иметь юридический эффект. Такая возможность лишь частично исключается указанием на момент выражения согласия на обязательность договора. Проект руководящего положения 2.6.12 также требует подтверждения возражения в это время, если автор возражения договор не подписывал. Оратор предлагает дополнить проект руководящего положения 2.6.5 требованием о подтверждении возражения при подписании договора.

35. Оратор полностью согласна с положением, содержащимся в проекте руководящего положения 2.6.8 («Выражение намерения не допустить вступления в силу договора»). Ситуация, охватываемая этим положением, однако, будет возникать только в редких случаях, когда срок до вступления в силу договора для государств-участников сравним со сроком формулирования возражения, указанным в проекте руководящего положения 2.6.13. В большинстве случаев договор может вступать в силу по истечении короткого периода времени после выражения государством согласия на обязательность для него договора. Положение, содержащееся в проекте руководящего положения 2.6.8, следует уточнить, дабы избежать заблуждения на предмет того, что вступление договора в силу между авторами оговорки и возражения было бы невозможным.

36. Полезно иметь заявление с изложением причин как оговорок, так и возражений, однако нельзя не принимать во внимание, что в таких случаях причины часто бывают сугубо политическими, и их авторы обычно воздерживаются от их пояснения. В этой связи оратор задается вопросом о том, насколько реалистичными являются проекты руководящих положений 2.1.9 и 2.6.10, да и проект руководящего положения 2.9.6, переданный сейчас в Редакционный комитет. Подход, примененный Комис-

сией в проекте руководящего положения 2.6.14, представляется не вполне последовательным, поскольку, хотя оно сформулировано аналогично проекту руководящего положения 2.6.15, рассматриваемые в этих двух положениях ситуации являются принципиально различными. Сама Комиссия в комментарии отмечает, что в некотором смысле условные возражения подобны возражениям, формулируемым государствами и международными организациями до того, как они становятся участниками договора. Обе категории возражений должны, несомненно, формулироваться аналогичным образом. Поскольку проект руководящего положения 2.6.5 является столь конкретным в отношении условий для формулирования возражения, следует также опделить условия для наступления его последствий, в том числе и в случае условных возражений. Аналогичное изложение проектов руководящих положений 2.6.14 и 2.6.15 вызывает тот же вопрос. Поскольку условные возражения могут повлечь за собой те же последствия, что и обычные, та же логика должна быть распространена и на последующие возражения, хотя комментарий отрицает это.

37. Оратор не согласна с названием проекта руководящего положения 2.6.15 («Последующие возражения»). Возражения к оговоркам, заявляемые по истечении установленных для этого сроков, формулируются с осознанием того, что соответствующее государство или соответствующая организация уже считаются принявшими оговорку. Такие возражения не могут изменить юридические последствия оговорки, даже если их авторы стремятся побудить автора оговорки снять ее. Возражение такого рода следует, пожалуй, назвать «последующим заявлением о возражении».

38. Проекты руководящих положений используют многочисленные термины, традиционно употребляемые для описания юридических обязательств. Данный подход был бы оправданным лишь в той мере, в какой проекты руководящих положений воспроизводят нормы Венской конвенции о праве международных договоров; во всех остальных отношениях было бы лучше использовать терминологию рекомендательных документов, поскольку сами руководящие положения не имеют юридически обязывающего характера.

39. Касаясь темы ответственности международных организаций, оратор выражает согласие с Комиссией в том, что в вопросе об ответственности за

международно противоправные деяния есть специфические правила, применимые исключительно к международным организациям, и что проекты статей 46, 47, 50 и 51 могут быть заимствованы *mutatis mutandis* из проекта об ответственности государств. Что касается проекта статьи 48 («Допустимость требований»), то оратор согласна с общей направленностью пункта 1, поскольку в таких случаях к ответственности государств и к ответственности международных организаций применяется одно и то же правило. Было бы полезно предусмотреть требования, предъявляемые международной организацией, ибо из пункта (4) комментария ясно видно, что в таком случае не существует требования относительно государственной принадлежности. Этот момент следует отразить в самом проекте. Следует также указать, какие иные требования применимы к таким требованиям. Пункт 2, касающийся исчерпания внутренних средств, представляется не вполне очевидным. В случае требований против государств это правило требует подчинения юрисдикции соответствующего государства — ситуация, которая вряд ли может иметь место с международной организацией. Возможно, было бы оправданным предусмотреть исчерпание не внутренних средств, а средств правовой защиты, причем только для требований, предъявляемых государством или международной организацией к международной организации, членом которой оно/она является.

40. Проект статьи 49 является приемлемым, однако вопрос, поставленный в комментарии — какой орган международной организации компетентен отказываться от требования от имени организации — весьма важен, особенно в свете Венской конвенции о праве международных договоров между государствами и международными организациями и между международными организациями. Следует сформулировать правило на этот счет после дальнейшего изучения.

41. С учетом все возрастающей роли международных организаций нельзя исключать их права реагировать, согласно проекту статьи 52, на нарушения обязательств *erga omnes*. Оратор приветствует, однако, включение в проект положения о том, что нарушенное обязательство должно относиться к сфере компетенции международной организации, призывающей к ответственности. Дискуссия в Комиссии по вопросу о контрмерах также полезна.

Оратор согласна с проведением различия между контрмерами, принимаемыми членами и нечленами международной организации. Однако заявление о том, что контрмеры должны быть совместимыми с правилами организации (проект статьи 52), не представляется уместным, поскольку контрмеры возникают только из обычного права, относящегося к соответствующему обязательству; они не могут быть предусмотрены правилами международных организаций, которые неизменно требуют выполнения государствами всех их обязательств перед соответствующей организацией. Было бы целесообразно разделить контрмеры, принимаемые в отношении международных организаций государствами, и контрмеры, принимаемые другими международными организациями. Права последней категории будут ограничены их соответствующей сферой компетенции. Оратор выражает большие сомнения в отношении контрмер, принимаемых иными, чем пострадавшие, организациями. По этому вопросу отсутствует какая-либо практика, кроме специфичной практики Европейского союза.

42. Пункт 147 поднимает вопрос об имплементации потерпевшей международной организацией ответственности совершившего противоправное деяние государства. Хотя этот вопрос выходит за рамки рассматриваемой темы, он представляет большой интерес для международного сообщества, и Комиссии следует разработать дополнительные проекты статей или положения комментария по этому вопросу.

43. Обращаясь к теме высылки иностранцев, оратор высказывает мысль о том, что, имея в виду важность данной темы, Редакционный комитет мог бы, очевидно, представлять проекты статей по этому вопросу частями, не дожидаясь окончания работы над всем проектом. Оратор высказывает сомнения на тот счет, что вопросы высылки граждан, в том числе имеющих двойное или множественное гражданство, либо лишения их гражданства для целей высылки подпадают под предмет данной темы, как он определен в ее названии. Оратор, однако, поддерживает решения Рабочей группы, упомянутые в пункте 171 доклада, включая распространение общего запрета в отношении высылки собственных граждан на лиц, имеющих более одного гражданства, включая гражданство высылающего государства. Хотя имеются различия в статусе между лицами с одним гражданством и лицами с двой-

ным или множественным гражданством, оратор разделяет мнение Комиссии о том, что применительно к высылке таких различий проводиться не должно. В противном случае само гражданство было бы раздроблено на различные и неравноценные категории, что не отвечает природе этого института, хотя в настоящее время, вероятно, нет никакой нормы международного права, которая запрещала бы это. Оратор согласна с тем, каким образом Комиссия подходит к вопросу о возможности лишения лица гражданства для целей высылки. Если бы это стало возможным, запрет на высылку собственных граждан был бы лишен смысла, поскольку имелась бы законная альтернатива нарушению этого запрета.

44. **Г-н Альварес** (Уругвай), касаясь темы высылки иностранцев, говорит, что всеохватывающим вопросом является вопрос о гражданстве. Вторичные вопросы множественного гражданства и лишения гражданства для целей высылки могли бы быть сформулированы отдельно или же включены в один из проектов статей, представленных Специальным докладчиком Генеральной Ассамблеи на ее шестьдесят второй сессии, таких, как проект статьи 4 (A/62/10, сноска 397). Необходимо, однако, уточнить соответствующие концепции в свете прений в Комиссии на ее шестидесятой сессии. Например, согласно нынешнему докладу Комиссии (A/63/10, пункт 210) Специальный докладчик придерживается того мнения, что правило, запрещающее высылку лиц с двойным или множественным гражданством, имеющих гражданство высылающего государства, как таковое в международном праве не существует. Вместе с тем он отстаивает позицию, согласно которой в международном праве существует прочно укоренившийся запрет на лишение гражданства лица, которое в результате этого стало бы апатридом. Вывод о том, что принцип невысылки собственных граждан не применяется к лицам с двойным или множественным гражданством, если только высылка не приведет к их безгражданственности, как представляется, означает, что в таких случаях лицо, которое может стать апатридом, будет пользоваться своего рода защитой, не предоставляемой лицу, лишенному его или ее гражданства, независимо от того, является ли соответствующее гражданство «преобладающим» или «эффективным». Комиссия должна вернуться к этим вопросам, невзирая на мнения, высказанные Специальным докладчиком, с целью адаптации текста

проекта статьи 4 так, чтобы он отражал различные возможности.

45. Обращаясь к теме ответственности международных организаций, оратор говорит, что споры между международной организацией и ее членами должны урегулироваться в соответствии с правилами организации, о которой идет речь. Поскольку взаимоотношения международных организаций ограничиваются их учредительными документами, они не могут действовать за пределами таких документов и, очевидно, они не могут прибегать к контрмерам, особенно к таким контрмерам, которые ставили бы под угрозу их отношения с их государствами-членами либо их собственную репутацию или их деятельность. Необходимо решить и другие спорные вопросы: характер санкций, принимаемых организацией в соответствии с ее учредительным документом, таких, как санкции, решение о которых принимается Советом Безопасности, взаимосвязь между этими мерами и контрмерами и нарушения договорных обязательств, регулируемых правом международных договоров.

46. **Г-н Рулантс де Станперс** (Бельгия), касаясь темы оговорок к международным договорам, говорит, что заявления о толковании в том значении, которое имеет в виду Специальный докладчик, не являющиеся оговорками по смыслу пункта 1(d) статьи 2 Венской конвенции о праве международных договоров. Заявление о толковании, сделанное Бельгией при присоединении к Римскому статуту Международного уголовного суда, гласило, что в свете пункта 1(b) статьи 21 Статута и императивных норм международного гуманитарного права пункт 1(c) статьи 31 Статута может применяться и толковаться только в соответствии с этими правилами. Это заявление не имело никаких особых последствий для Бельгии и не вызвало какой-либо реакции. Оратор ставит под вопрос целесообразность того, чтобы Комиссия давала твердые и окончательные ответы на детальные вопросы относительно заявлений о толковании, поскольку практика в этой области является незначительной, а мнения в самой Комиссии расходятся. Что касается вопросов, сформулированных в пункте 26 доклада, то толкование договоров — это вопрос для участников договоров и для судов, причем он должен решаться в соответствии с нормами, изложенными в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, которые сами отражают нормы обычного права в этой

сфере. Абстрактно нельзя принять никакого решения о том, является ли какое-то одностороннее заявление о толковании действительным в свете этих норм. Одностороннее заявление, даже если оно сделано при заключении договора, а не впоследствии, может иметь своим результатом договоренность между участниками или практику, в соответствии с которой они договариваются о значении договора, однако, взятое само по себе, оно не может определять смысла положений договора.

47. Обращаясь к теме ответственности международных организаций, оратор говорит, что его делегация удовлетворена нынешней формулировкой проектов статей 46–53. Что касается контрмер, то в интересах предотвращения потенциального противоправного использования этот вопрос следует рассмотреть в проектах статей. Что же касается вопроса о том, следует ли в проектах статей охватывать контрмеры, принимаемые международной организацией против государства, то его делегация считает, что такие ситуации определенно должны охватываться, поскольку они составляют большую часть нынешней практики в отношении контрмер, принимаемых за пределами межгосударственных отношений. Поэтому Комиссии следует подумать о расширении сферы охвата проектов статей, особенно части третьей, дабы включить вопрос о призывании государства к ответственности международной организацией. Проект статьи 19 не может предусматривать контрмеры, принимаемые международной организацией в связи с международно противоправным деянием другой международной организации или какого-либо государства, если только в части третьей не будет охвачен правовой режим, применимый к таким контрмерам.

48. Что касается вопроса о контрмерах в отношениях между международной организацией и ее членами, то в принципе нет причин исключать возможность того, что один из членов той или иной организации может принять контрмеры против нее и наоборот. Однако правила организации должны уважаться. Член международной организации не может принимать контрмеры против организации, если правила этой организации предусматривают разумные средства для обеспечения соблюдения им его обязательств согласно части второй проектов статей. Обратная ситуация — введение организацией контрмер против ее членов — также должна быть охвачена посредством добавления положения

по образцу пункта 5 проекта статьи 52, предусматривающего, что международная организация не может принимать контрмер против одного из ее членов, будь то государство или другая международная организация, если правила этой организации предусматривают разумные средства для обеспечения соблюдения этим членом организации его обязательств согласно части второй проектов статей.

49. Что касается обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*), то его правительство представило письменные комментарии в июле 2008 года. Оратор просит, чтобы эти комментарии были отражены в документации по этому вопросу и чтобы Комиссия учитывала их в своей будущей работе по данной теме.

50. **Г-жа Микулеску** (Румыния) говорит, что ее делегация приветствует включение двух тем — «Договоры сквозь призму времени» и «Клаузула о наиболее благоприятствуемой нации» — в программу работы Комиссии и с нетерпением ожидает предварительных докладов соответствующих исследовательских групп. Что касается темы об общих природных ресурсах, то ее делегация считает, что проекты статей о праве трансграничных водных горизонтов отражают основные принципы международного права в отношении природных ресурсов, включая обязательство сотрудничать в целях их эффективного использования. В то же время необходимо дополнительно уточнить взаимосвязь между проектами статей и другими конвенциями и международными соглашениями, включая существующие и будущие двусторонние и региональные соглашения. Кроме того, в новом проекте статьи должен быть рассмотрен вопрос об урегулировании споров.

51. Что касается проектов статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, то ее правительство приветствует поддержание принципа правовой стабильности и преемственности договорных обязательств в случае вооруженного конфликта, что находит свое отражение в проекте статьи 3. Что касается проекта статьи 1, то, как ее делегация заявляла ранее (A/C.6/62/SR.21, пункт 74), последствия вооруженных конфликтов для договоров, применяемых на временной основе, должны быть включены в сферу действия проектов статей. Ссылки на статью 25 Венской конвенции о праве международных договоров будут недостаточ-

но, поскольку Венская конвенция не охватывает исключительные случаи, когда вооруженные конфликты могут отразиться на осуществлении прав или на выполнении обязательств в соответствии с применяемым на временной основе договором.

52. Ее делегация понимает основания для распространения сферы действия проектов статей с целью охвата последствий внутренних, а также международных вооруженных конфликтов для международных договоров и разделяет мнение Комиссии о том, что современные вооруженные конфликты размыли различие между ними, особенно с учетом возможного вмешательства других государств, в различной степени, в такие конфликты. Тем не менее, требуется довольно-таки особый подход в случае исключительно внутренних вооруженных конфликтов и их последствий для международных договоров. Такие конфликты могут сделать невозможным для соответствующего государства выполнение его договорных обязательств, что приводило бы к приостановлению или прекращению действия договора, как это предусмотрено в проекте статьи 17. Данный вопрос нуждается в дальнейшем разъяснении с учетом этих соображений.

53. Ее делегация приветствует пересмотр проекта статьи 5 и считает полезным ориентировочный перечень категорий договоров, содержащийся в приложении. Оратор интересуется, не будет ли лучше всего рассматривать проект статьи 7 в тесной связи с проектом статьи 5, поскольку последний будет применяться только в тех случаях, когда нет прямого положения о действии договоров в ситуациях вооруженного конфликта. И наконец, категория, объединяющая договоры между государствами и международными организациями, и последствия вооруженных конфликтов для нее должны быть включены в сферу действия проектов статей, особенно с учетом того, что такие договоры регулируют широкие аспекты международных отношений, которые могут ущемляться вооруженным конфликтом.

54. Обращаясь к теме оговорок к международным договорам, оратор говорит, что тема тринадцатого доклада Специального докладчика (A/CN.4/600) — заявления о толковании — имеет большое значение с учетом того, что государства часто используют такие заявления в случаях, когда договор запрещает оговорки. Также важно и то, что, как было подчеркнуто Специальным докладчиком, к оговоркам и к

заявлениям о толковании применяются различные правовые режимы и правила. Ее делегация согласна с выводами Специального докладчика, особенно теми, которые касаются несогласия с заявлениями о толковании и их переквалификации. И действительно, есть все основания утверждать, что две реакции не вызывают схожих последствий, хотя переквалификация может иногда рассматриваться как следствие несогласия с заявлением о толковании. Несогласие может приводить к расхождению во мнениях между государствами относительно правильного толкования того или иного положения договора, но при этом различные толкования не рассматриваются как меняющие объект и цель договора, в то время как переквалификация означает, что то или иное государство-участник считает, что заявление о толковании, сделанное другим государством-участником, меняет объект и цель договора, и, таким образом, рассматривает его как оговорку. С этой точки зрения вполне приемлемо рассматривать эти две концепции по-разному.

55. Касаясь вопроса о том, означает ли молчание в ответ на заявление о толковании молчаливое согласие, оратор подчеркивает, что последствия молчания в отношении заявлений о толковании являются иными, чем в случае оговорок к международным договорам, хотя молчание является очевидным доказательством согласия, особенно в случае договоров, предмет которых требовал бы быстрой реакции государств-участников. Проект руководящего положения 2.9.9 требует большей конкретики, дабы уточнить, когда молчание в ответ на заявление о толковании может быть приравнено к молчаливому согласию.

56. В отношении ответственности международных организаций ее делегация в целом согласна с подходом, применяемым в проектах статей. Самый важный вопрос, который необходимо решить в настоящее время, это вопрос о контрмерах. В сущности говоря, ее делегация разделяет мнение о том, что статьи о контрмерах следует разработать и что их следует рассматривать независимо от других видов мер, хотя и в тесной связи с ними. Хотя главные вопросы, которыми необходимо заняться в этой связи, выявлены, требуются дальнейшие уточнения, особенно в отношении цели и пределов контрмер и их взаимосвязи с внутренней процедурой соответствующей международной организации. Также необходимо уточнить обязательства, не затрагиваемые

контрмерами. Обязательства, перечисленные в проекте статьи 53, являются, по мнению оратора, обязательствами перед международным сообществом в целом, а не перед международной организацией, против которой могут быть приняты контрмеры, и поэтому, очевидно, они не могут затрагиваться контрмерами.

57. Что касается темы высылки иностранцев, ее делегация считает, что, хотя принцип невысылки собственных граждан пользуется широким признанием, он не может рассматриваться как абсолютное право в свете недавней практики государств. Поэтому Комиссии следует быть готовой изучить отступления от этого принципа в исключительных обстоятельствах. Необходимо более подробно изучить вопросы высылки лиц, имеющих двойное или множественное гражданство, и лишения гражданства. Следует вновь подтвердить право каждого лица на гражданство и право не быть произвольно лишенным своего гражданства.

Заседание прерывается в 11 ч. 55 м. и возобновляется в полдень.

Заявление Председателя Международного Суда

58. **Председатель**, приветствуя Председателя Международного Суда, говорит, что Суд служит образцом в разрешении споров между государствами. Председатель всегда была выдающимся сторонником Суда, и на протяжении всей ее заслуженной карьеры как учителя, писателя, активиста в области прав человека и судьи она неизменно вносила замечательный вклад в развитие и применение международного права.

59. **Г-жа Хиггинс** (Председатель Международного Суда) говорит, что она хотела бы выступить перед Комитетом на тему юрисдикции в Суде. Практически все ведущие международные учреждения мира имеют сопутствующее членству обязательство признавать обязательную юрисдикцию суда этого учреждения. Так обстоит дело с Советом Европы, Европейским союзом и Всемирной торговой организацией. Однако членство в Организации Объединенных Наций не влечет за собой такого обязательства. Передача споров в ее главный судебный орган является факультативной и основывается на согласии обеих сторон. Такое требование в отношении взаимного согласия неизбежно означает, что Суд слишком часто рассматривает возражения против

его собственной юрисдикции, а не занимается серьезными вопросами существа, подлежащими решению Суда.

60. Процедура, посредством которой ответчик оспаривает юрисдикцию Суда или допустимость ходатайства, изложена в Регламенте Суда. Во время периодического пересмотра Регламента Судом в эту процедуру были внесены два важных изменения. Регламент, применявшийся до 1972 года, давал Суду широкие дискреционные полномочия в плане рассмотрения предварительных возражений, предусматривая, что возражение может быть присоединено к существу ходатайства, в результате чего дела сопровождались чрезмерным изложением оснований иска по одному и тому же вопросу как на этапе предварительных возражений, так и на этапе рассмотрения конкретных обстоятельств дела. Такое повторное изложение аргументов, иногда с промежутком в несколько лет, не способствовало эффективности отправления правосудия.

61. В ходе проведенного в 1972 году пересмотра Регламента концепция «присоединения к существу дела» была отброшена и была внедрена новая формула, дающая Суду право выбора из трех вариантов: либо поддержать возражение, либо отвергнуть его, либо заявить, что возражение не имеет, учитывая обстоятельства дела, исключительно предварительного характера. Такое изменение имело целью избежать проблемы многократного изложения обстоятельств иска: если возражение не имеет исключительно предварительного характера, Суд должен рассмотреть его сразу же; он не может решить просто присоединить его к существу дела.

62. До сравнительно недавнего времени сторона могла выдвигать предварительные возражения вплоть до даты, установленной для представления контрмеморандума, что приводило к затянутому производству по многим делам. В деле, касающемся *Применения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*, например, предварительные возражения были выдвинуты через 14 месяцев после представления меморандума. В 2000 году в рамках предпринимавшихся им в последние годы усилий по ускорению темпов его работы Суд постановил ввести строгое ограничение по времени, требовавшее, чтобы предварительные возражения выдвигались «как можно скорее, но не позднее чем через три месяца после представления

меморандума» (статья 79, пункт 1, Регламента Суда). Благодаря такому сжатию сроков Суд может быстро выявлять те дела, по которым возникают вопросы юрисдикции и допустимости, и, таким образом, может в рамках своего ежегодного стратегического планирования учитывать дополнительный этап слушаний по предварительным возражениям. Кроме того, в соответствии с пунктом 2 статьи 79 своего Регламента Суд может, когда он предвидит неизбежное заявление предварительных возражений, отдавать предпочтение тому, чтобы не дожидаться их представления, а вместо этого сразу же организовать, с согласия сторон, специальное предварительное слушание.

63. Значительная часть прецедентного права Суда имеет отношение к определению его собственной юрисдикции. За 62 года его существования ему было передано 113 спорных дел. В 15 из этих дел в качестве единственного основания для юрисдикции применялось так называемое заявление о «факультативной клаузуле», признающее в качестве обязательной юрисдикцию Суда в соответствии со статьей 36(2) Статута. В 45 делах юрисдикция была подтверждена на основе включенного в двусторонний или многосторонний договор положения об урегулировании споров. В 26 делах применялась как факультативная клаузула, так и договор. Шестнадцать дел поступили в Суд на основании специальной договоренности, и два были представлены недавно на основе *forum prorogatum*. В остальных девяти делах, датирующихся 1950-ми годами, не было установлено никакого основания для юрисдикции.

64. Предварительные возражения могут возникать в связи с любым из этих оснований для юрисдикции. Согласие, данное в соответствии с факультативной клаузулой, почти неизменно сопровождается оговорками, подлежащими толкованию Судом. Редко когда дело, базирующееся на факультативной клаузуле, не требует специальных слушаний по вопросу о юрисдикции. Когда применяется положение договора об урегулировании споров, могут доказывать, что согласие не применяется в данном конкретном деле, возможно, потому что предмет спора фактически не имеет отношения к договору или потому что, как утверждают, в соответствии с договором требуются определенные предварительные условия. Даже в делах, базирующихся на специальной договоренности, существует возможность возник-

новения спора в отношении смысла и масштабов договоренности.

65. Из 113 спорных дел некоторые были впоследствии сняты. Начиная с 1946 года, было вынесено 97 решений. Из них почти половина требовали отдельных слушаний по вопросам юрисдикции. Это вряд ли является образцом эффективности в предметном урегулировании споров.

66. Обращаясь к конкретным вопросам, возникшим на основании пункта 2 статьи 36 Статута (факультативная клаузула), оратор разъясняет, что 66 государств, иными словами практически треть государств — членов Организации Объединенных Наций сделали заявления согласно этому положению. В большинстве случаев заявления сопровождались оговорками, которые часто требуют толкования. Например, в деле о *юрисдикции в отношении рыболовства (Испания против Канады)* Испания предприняла процессуальные действия против Канады после того, как канадское патрульное судно высадило сотрудников для целей досмотра на рыболовецкое судно под испанским флагом в открытом море. Канада доказывала, что Суд не имеет юрисдикции, поскольку в заявлении, которое Канада сделала на основании пункта 2 статьи 36, она высказала оговорку, исключающую «споры, возникающие в связи с мерами охраны и управления или в отношении таких мер, которые принимаются Канадой в отношении судов, занимающихся рыболовством в регулируемом районе [Организации по рыболовству в северо-западной части Атлантического океана]». Проанализировав каждую фразу этой оговорки, Суд в конечном итоге пришел к выводу о том, что спор подпадает под положения оговорки и что поэтому Суд не имеет юрисдикции.

67. Другой интересный вопрос в связи с пунктом 2 статьи 36 заключается в том, могут ли другие механизмы урегулирования «вытеснить» факультативную клаузулу. На этапе предварительных возражений по делу *Сухопутная и морская граница между Камеруном и Нигерией (Камерун против Нигерии: вступление в дело Экваториальной Гвинеи)* Нигерия доказывала, что практика сторон на протяжении многих лет указывает на признание ими обязанности урегулировать все их пограничные споры исключительно путем двусторонних переговоров. Она далее обратила внимание Суда на Комиссию по бассейну озера Чад — региональную организацию, которая, как утверждала Нигерия, обла-

дает «исключительными полномочиями по вопросам безопасности и общественного порядка в регионе озера Чад». Суд отверг оба аргумента весьма значительным большинством голосов, поскольку он не нашел ничего, что бы указывало на то, что стороны договорились отказаться от использования других процедур. Он далее объяснил, что тот факт, что в прошлом стороны проводили переговоры по пограничным вопросам, не исключает возможности передачи таких споров Суду. Более того, Суд считал, что Комиссия по бассейну озера Чад не является ни судебным органом, предназначенным для того, чтобы оттеснить Суд, ни региональной организацией для целей главы VIII Устава. Так или иначе, существование региональных переговорных механизмов не может помешать Суду выполнять его функции согласно Уставу и его Статуту.

68. Один из смежных вопросов, рассматриваемых Судом, состоит в том, как определить, какое основание для юрисдикции — когда существует несколько — должно пользоваться приоритетом. В деле *Территориальный и морской спор (Никарагуа против Колумбии)*, в связи с которым Суд в декабре 2007 года вынес решение по предварительным возражениям, Никарагуа в качестве основания для юрисдикции Суда сослалась как на статью XXXI Боготского пакта, так и на заявления, сделанные сторонами в соответствии с пунктом 2 статьи 36. Почему это важно? Хотя оба положения в значительной степени схожи — по сути дела, статья XXXI Боготского пакта использует ту же формулировку, что и пункт 2 статьи 36 Статута, — заявление Колумбии в соответствии с пунктом 2 статьи 36, в отличие от заявления согласно Боготскому пакту, выражало оговорку. Кроме того, Колумбия указала, что ее заявление согласно факультативной клаузуле было снято совсем незадолго до того, как Никарагуа подала свое ходатайство. По этой причине Колумбия утверждала, что юрисдикция согласно Боготскому пакту является руководящей и, соответственно, исключительной. По ее мнению, если Суд считает, что он не имеет юрисдикции согласно Пакту, он должен «объявить о прекращении спора» и не переходить далее к рассмотрению вопроса о том, имеет ли он юрисдикцию согласно факультативной клаузуле.

69. Суд признал, что в рамках рассматривавшегося в 1988 году дела *Приграничные и трансграничные вооруженные действия (Никарагуа против*

Гондураса) в пункте 27 постановления от 31 марта 1988 года он заявил, что «[п]оскольку в отношениях между государствами — участниками Боготского пакта Пакт является руководящим, Суд прежде всего изучит вопрос о том, обладает ли он юрисдикцией на основании статьи XXXI Пакта». Однако это заявление не могло толковаться никаким иным образом, помимо того, что Суд, столкнувшись с двумя основаниями для юрисдикции, на которые делались ссылки, не мог рассматривать их одновременно и решил в этом случае идти от частного к более общему, не подразумевая тем самым, что Боготский пакт превалирует над факультативной клаузулой и исключает ее. Аналогичным образом, в деле *Территориальный и морской спор* Суд вначале рассмотрел юрисдикцию согласно Пакту, поскольку в этом заключалось первое предварительное возражение Колумбии, и при этом он четко заявил, что Пакт и факультативная клаузула представляют собой два отличных основания для юрисдикции Суда, которые не являются взаимно исключающими.

70. В том случае Суд установил отсутствие какого-либо сохраняющегося правового спора между сторонами по вопросу о суверенитете над тремя островами; поэтому он не мог обладать юрисдикцией в этом вопросе ни в соответствии с Боготским пактом, ни на основании заявлений о факультативной клаузуле, которая также предполагает существование спора.

71. Более одной трети дел были переданы Суду исключительно на основании содержащихся в договорах положений об урегулировании споров. Примерно 300 двусторонних или многосторонних договоров предусматривают, что Суд будет обладать юрисдикцией при урегулировании споров, возникающих из их применения или толкования. Лишь изредка базирующееся на договоре дело сливается с консультативным заключением, когда одной из «сторон» в споре является не государство, а международная организация. Такая ситуация может возникать тогда, когда какое-то положение договора предусматривает, что в случае возникновения разногласия в толковании необходимо обращаться с просьбой о вынесении консультативного заключения, и вынесенное заключение должно признаваться сторонами в качестве окончательного. Так обстояло дело с консультативным заключением, вынесенным по делу *Разногласие в вопросе о судебном процессуальном иммунитете Специального доклад-*

чика Комиссии по правам человека (консультативное заключение Кумарасвами).

72. Базирующаяся на договорах юрисдикция приобретает все большее значение. Начиная с 1988 года, из 40 дел, переданных Суду, все, кроме шести, основывались полностью или частично на юрисдикции согласно положениям об урегулировании споров. Реальность такова, что истцы будут искать договор, который может дать основания, позволяющие начать судебную тяжбу, особенно в контексте просьб об указании временных мер, поскольку такие просьбы должны быть увязаны с ходатайством, уже находящимся на рассмотрении в Суде. Для целей указания временных мер юрисдикцию необходимо устанавливать только на основе *prima facie*.

73. В вынесенном в 2002 году постановлении по делу *Вооруженные действия на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Руанды)* Суд систематически отверг восемь договоров в качестве основания для его юрисдикции и постановил, что он не имеет даже юрисдикции *prima facie*, необходимой для указания временных мер, запрошенных Демократической Республикой Конго. Тем не менее, это решение само по себе не предreshало вопроса о юрисдикции Суда для целей рассмотрения существа дела или каких-либо вопросов, касающихся допустимости ходатайства или конкретных обстоятельств дела. Поскольку Суд отказался изъять это дело из своего реестра на основании утверждаемого явного отсутствия юрисдикции, Демократическая Республика Конго получила на этапе предварительных возражений еще одну возможность установить основание для юрисдикции. Однако она так и не смогла сделать это.

74. Трудно объяснить широкой общественности, почему Суд обладал юрисдикцией для слушания дела между Демократической Республикой Конго и Угандой по существу, но не дела между Демократической Республикой Конго и Руандой, хотя оно имело отношение к тому же конфликту и тому же периоду времени и касалось аналогичных утверждений о грубых нарушениях прав человека. Ответ лежит, разумеется, в различной юрисдикционной взаимосвязи между сторонами в каждом из этих дел. В восьми делах *Законность применения силы* Суд отверг представленные в 1999 году просьбы относительно временных мер, но продолжал рассмотрение этих дел. В этом случае дела также в конечном итоге потерпели неудачу из-за отсутствия

консенсусного основания для юрисдикции. Суд уже изъясил из общего списка два других таких дела за явным отсутствием юрисдикции.

75. Дела, основанные на специальной договоренности, имеют некоторые общие черты с делами, в которых юрисдикция проистекает из договоров, в том плане, что Суд «заблокирован» какой-то конкретной договоренностью между сторонами. Дело, передаваемое на основе специальной договоренности, не дает, однако, гарантии того, что не возникнет никаких юрисдикционных вопросов, которые Суду надо будет решать, таких, как вопросы применимого права или сферы действия договоренности.

76. Дело *Делимитация морских пространств в Черном море (Румыния против Украины)*, хотя, строго говоря, оно и не является делом на основании специальной договоренности, связано с определением того, что именно стороны договорились передать в Суд в соответствии с соглашением 1997 года. По мнению Румынии, помимо Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, принципы, признанные сторонами в соглашении 1997 года, также должны учитываться Судом при делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны за пределами сектора в 12 морских миль вокруг острова Змеиный. По мнению Украины, хотя соглашение 1997 года является международным договором, имеющим обязательную для сторон силу, его положения не заключают в себе договоренности, которая направляла бы Суд в том, что касается применимого права для целей нынешнего судопроизводства. Поэтому Украина утверждает, что Суд обязан решать споры на основании международного права, как это установлено в пункте 1 статьи 38 Статута. Суд в ближайшее время вынесет решение по этому делу.

77. *Forum prorogatum*, которая в учебниках по юрисдикции уже давно рассматривается как не применяющаяся, хотя и не отмененная законом доктрина, использовалась в Суде в 2003 и 2006 годах в двух делах, затрагивающих африканское государство и Францию. Решение по делу *Некоторые вопросы взаимной помощи по уголовным делам (Джибути против Франции)* было первым случаем, когда Суду предстояло вынести решение по существу спора, переданного на его рассмотрение в соответствии с пунктом 5 статьи 38 Регламента Суда (один из методов установления *forum prorogatum*). Исто-

рия этого положения Регламента является довольно интересной и была подробно разъяснена в решении Суда. В пункте 62 Суд заявил, что «согласие, позволяющее Суду признавать себя правомочным, должно быть бесспорным. Именно так — не больше и не меньше — обстоит дело с юрисдикцией, основанной на *forum prorogatum*». Затем он рассмотрел степень взаимного согласия сторон, подтвержденного заявлением Джибути и письмом министра иностранных дел Франции, информирующим Суд о том, что Франция «согласна на юрисдикцию Суда для принятия к рассмотрению заявления во исполнение и исключительно на основании ... пункта 5 статьи 38» Регламента Суда, но одновременно оговаривающим, что это согласие «действует только... в отношении спора, составляющего предмет заявления, и строго в пределах требований, сформулированных в нем» Джибути.

78. Суд установил, что письмо Франции в адрес Суда не имеет целью ограничить юрисдикцию главным требованием, касающимся отказа Франции исполнить судебное поручение, а признает юрисдикцию в отношении всего заявления в целом, включая требования, касающиеся вызовов повесткой, направленной президенту Джибути и другим должностным лицам Джибути. Суд, однако, исключил из своей юрисдикции требования, относящиеся к ордерам на арест, выданным в отношении старших должностных лиц Джибути уже после подачи заявления. Суд постановил, что из письма Франции ясно видно, что ее согласие не идет дальше того, что явствует в этом заявлении. Хотя ордера на арест могут рассматриваться как метод обеспечения соблюдения судебных повесток (которые подпадают под юрисдикцию Суда), они представляют собой новые юридические действия, в отношении которых нельзя считать, что Франция имплицитно признала юрисдикцию Суда. В более ранних делах, основанных на факультативной клаузуле или на положении договора, когда Суд рассматривал вопрос о своей юрисдикции в отношении фактов или событий, следовавших за подачей заявления, он подчеркивал необходимость установления того, не изменит ли рассмотрение этих более поздних фактов или событий «характер спора». Однако в деле, основанном на *forum prorogatum*, о такой проверке речь не идет. В деле между Джибути и Францией, в котором столь многое зиждилось на согласии, выраженном в определенный момент времени ответчиком, вопрос заключался в том, были ли последующие события

очевидными для Франции в тот момент, когда она дала письменное согласие на юрисдикцию на основании пункта 5 статьи 38.

79. Последний вопрос, затронутый оратором, касается того, могут ли на этапе установления юрисдикции решаться только процедурные вопросы. Должен ли каждый вопрос существа, поднимаемый в состязательных материалах в ходе слушания по вопросам юрисдикции объявляться «не исключительно предварительным по своему характеру»? Этот вопрос часто возникает в Суде. Как оратор упомянула ранее, пункт 9 статьи 79 предлагает три варианта решения Судом вопроса о предварительном возращении: он может поддержать или отвергнуть его, либо заявить, что возражение не имеет исключительно предварительного характера. В делах *Ядерные испытания (Новая Зеландия против Франции)* и *(Австралия против Франции)* (хотя и в нескольких различных обстоятельствах) Суд подчеркнул, что при рассмотрении вопросов юрисдикции и допустимости он вправе — и в некоторых обстоятельствах это может от него требоваться — рассматривать другие вопросы, которые, возможно, и не могут быть строго классифицированы как вопросы юрисдикции или допустимости, но в силу своего характера требуют изучения до этих вопросов.

80. В деле *Территориальный и морской спор (Никарагуа против Колумбии)* в пунктах 50 и 51 своего решения Суд следующим образом изложил свое мнение:

Интересам надлежащего отправления правосудия не отвечает то, чтобы в данный момент оно ограничивалось лишь заявлением о том, что между сторонами существует разногласие относительно того, разрешают ли Договор 1928 года и Протокол 1930 года вопросы, составляющие предмет нынешнего спора по смыслу статьи VI Боготского пакта, оставив все его аспекты для урегулирования с учетом конкретных обстоятельств дела.

В принципе, сторона, выдвигающая предварительные возражения, вправе рассчитывать на то, что на эти возражения будет дан ответ на предварительном этапе производства, если только Суд не имеет в своем распоряжении все факты, необходимые для принятия решений по поставленным вопросам, или если ответ на предварительные возражения не раз-

решит спор или некоторые из его элементов по существу. В данном случае Суд не находится ни в одной из этих ситуаций. Установление Судом его юрисдикции может затрагивать определенные аспекты существа дела.

81. Суд далее признал, что Договор 1928 года был действующим и законным во время заключения Боготского пакта в 1948 году. Затем он принял решение о том, что именно было урегулировано Договором 1928 года. Три острова были конкретно упомянуты в Договоре 1928 года как принадлежащие Колумбии. Суд постановил, что вопрос об их суверенитете был урегулирован Договором по смыслу статьи VI Боготского пакта, и, таким образом, поддержал первое предварительное возражение Колумбии в этом отношении. Это — решение, которое Суд должен был и мог принять на этапе предварительных возражений, однако различные другие вопросы, находящиеся на рассмотрении Суда — границы и состав архипелага, суверенитет над определенными рифами и вопрос о делимитации морской границы, — не были, согласно его постановлению, урегулированы Договором 1928 года. Соответственно, Суд будет обладать юрисдикцией для их решения, но только на этапе производства, посвященном рассмотрению существа дела.

82. Опыт показывает, что дела, передаваемые на основании пункта 2 статьи 36, по всей вероятности, будут вызывать длительные споры относительно юрисдикции Суда. Дела, передаваемые на основании содержащегося в договоре положения об урегулировании споров, вызывают меньшую полемику. Что же касается дел, передаваемых в силу специальной договоренности, то они не застрахованы от возможности этого, однако вопросы юрисдикции играют гораздо меньшую роль. В силу этого Суд может более быстро оказывать помощь в урегулировании спора.

83. Рост числа государств, делающих заявления согласно факультативной клаузуле, будет, разумеется, приветствоваться. Однако ясно, что если говорить о вкладе Суда в решение международных споров, то ответ не может заключаться в том, чтобы государства или группы государств сдавали на хранение заявления на основании факультативной клаузулы, содержащие оговорки и условия, настолько тщательно и с таким юридическим мастерством сформулированные, что они сводят практически к нулю сферу очевидного признания юрисдикции Су-

да. Это будет лишь растягивать время, которое Суду придется тратить на возражения в отношении юрисдикции, и уменьшать время, имеющееся в распоряжении Суда для урегулирования крупных споров по существу. По этой причине пора поразмышлять «неординарно» относительно этого аспекта юрисдикции Суда.

84. **Г-н Бетльхем** (Соединенное Королевство) говорит, что его вопрос в ответ на призыв Председателя поразмышлять «неординарно» касается обязательной юрисдикции национальных и международных судов, которая часто характеризуется высокой степенью предсказуемости в том, что касается юридических решений и поправок к законам, вследствие существования законодательных рамок, охватывающих суды, исполнительную власть и законодательную власть. Обязательная юрисдикция часто коренится в достаточно четкой разграничительной линии между сферой компетенции исполнительной власти и компетенцией законодательной власти. Поэтому оратор интересуется, не помогают ли, тем не менее, прения и оценки в отношении пределов юрисдикции, даже если они порой отвергаются Судом, обеспечению того, чтобы решения по вопросам существа были достаточно узко сфокусированными. С учетом того, что многие международные суды с обязательной юрисдикцией часто, как представляется, с большей готовностью обращают внимание на телеологический аспект толковательного диапазона, оратор задается вопросом о том, не будет ли правильнее для государств проявлять осторожность в этом отношении.

85. **Г-н Витчел** (Германия) говорит, что, хотя Германия, в принципе, решила в 1973 году признать юрисдикцию Суда согласно пункту 2 статьи 36, потребовалось 25 лет для того, чтобы это решение стало реальностью, главным образом вследствие политической и правовой ситуации до воссоединения Германии. Даже после этого события многие правительственные департаменты встревожены тем, что юрисдикция Суда, возможно, является слишком широкой по своим масштабам. Они посмотрели на работу других международных судов и весьма критично отнеслись к тому, что та или иная юрисдикция выходит за рамки точной формулировки статута или учредительного документа суда. Тем не менее, оратор просит Председателя призвать другие государства к тому, чтобы признать юрисдикцию Суда согласно пункту 2 статьи 36 Статута.

86. **Г-н Ковальски** (Португалия) говорит, что растущее число международных органов по урегулированию споров могут выносить различные юридические решения в отношении одного и того же дела. Поэтому ему любопытно узнать, может ли Международный Суд рассматриваться как «высший» международный суд и будут ли его решения превалировать над решениями других международных судебных органов.

87. **Г-н Айок** (Судан) говорит, что он хотел бы знать, может ли возникнуть конфликт юрисдикций между различными региональными судебными органами в отношении одной страны.

88. **Г-жа Хиггинс** (Председатель Международного Суда), отвечая на вопрос представителя Соединенного Королевства, говорит, что, как она надеется, Суд не менее предсказуем, чем суды, действующие в режимах, когда имеется признанная законодательная власть. Система Совета Европы, где имеется своего рода легислатура, не так далека от правового механизма системы Организации Объединенных Наций. Мнение о том, что признание факультативной клаузулы приводит к более узко сфокусированным решениям, является весьма интересным.

89. Она принимает к сведению информацию, поступившую от представителя Германии.

90. В ответ на вопрос представителя Португалии относительно частично совпадающей юрисдикции оратор говорит, что Международный Суд является высшестоящим судом постольку, поскольку он является судом Организации Объединенных Наций, чьи решения в некоторых обстоятельствах имеют преимущественную силу, даже если решения Суда обычно не относятся к этой категории. Это — единственный суд, который потенциально обладает универсальной юрисдикцией, и, хотя его решения, в принципе, являются обязательными только для государств, которых они касаются, они представляют собой юридические заключения высшего суда. Суд с большим интересом следит за решениями Европейского суда относительно воздействия резолюций Совета Безопасности в районе под его юрисдикцией. Если будет проводиться судебный пересмотр резолюций Совета Безопасности, оратор не уверена в том, что есть какой-то иной орган, правомочный заниматься этим, помимо Международного Суда.

91. Наконец, она говорит, что ответить *in abstracto* на интересный вопрос представителя Судана невозможно. Нет никаких общих принципов, которые позволили бы Суду сказать, что одна возможная юрисдикция будет превалировать над другой. Суд будет всегда смотреть на конкретную формулировку или конкретное обязательство с целью выяснения намерений в отношении того, какая из них должна превалировать в конкретных обстоятельствах той или иной коллизии.

Заседание закрывается в 13 ч. 00 м.